

действует только о том, что количество художественных приемов относительно ограничено, что каждый из них, взятый в отдельности, в отрыве от своего конкретного идеино-художественного контекста, сам по себе не может служить признаком жанровой природы того или иного произведения, так как в том или ином его применении он может встретиться везде — в любом произведении любого жанра.

Следуя методу А. А. Назаревского — методу подбора «цитат», произвольно вырванных из памятников разного типа и разного времени, без учета места и значения, какое занимают эти «цитаты» в художественной структуре данного произведения, — можно без особого труда доказать, что жанров в искусстве вообще не бывает, что жанр — фикция, плод нашего первого впечатления, которое тотчас же и рассеивается при более пристальном взгляде на дело. Можно доказать, что несторово житие Феодосия Печерского, например, — не «житие» и только по недоразумению рассматривается так. Ведь если это произведение разложить механически на его составные элементы, тотчас же обнаружится, что все они встречаются не раз в произведениях и других литературных жанров. В житии Феодосия налицо повествование, но повествование есть и в летописи, и в повестях, и в ораторской прозе. Диалоги действующих лиц (когда мать Феодосия разыскала сына в Киеве, в пещере Антония, то «плакася горко», а потом «начат увещати» вернуться домой и быть с нею до ее смерти) встречаются и в летописи, и в повестях, и даже в былинах. «Цепная» композиция повествования — рассказ по эпизодам, иллюстрирующим положительные качества героя, также не является принадлежностью только житийной литературы. «Чудеса», «видения» встречаются и в повести о Савве Грудыне и даже в повести о Горе-Злочастии (явление добромолоду Горя в образе архангела Гавриила), «плачи» свойственны не только житиям, но и воинской повести и т. д. и т. д. Можно доказать, что «Федра» Расина — не трагедия эпохи расцвета французского классицизма, так как единство места или действия,alexандрийский стих, фиксация «общих» законов человеческой психики, развития той или иной страсти встречаются и в произведениях иного жанра, притом не только эпохи классицизма. Можно доказать, что «Война и мир», — вопреки общепринятыму мнению, совсем не роман и т. д.

Путь, избранный А. А. Назаревским, на практике приводит нас и не может не привести к отрицанию правомерности самой постановки вопроса о жанровой природе не только «Слова о полку Игореве», но и любого другого произведения. В самом деле, можно ли ставить этот вопрос, если ни один художественный прием, как оказывается, не является присущим тому или иному жанру, но встречается и может встретиться везде, в произведениях самых различных жанров, даже (добавлю от себя) в речи деловой. А. А. Назаревский, по недоразумению очевидно, озаглавил свою статью — «О жанровой природе „Слова о полку Игореве“». На деле, как следует из его статьи, он самый этот вопрос считает праздным, неверно поставленным.

По мнению А. А. Назаревского, «Слово о полку Игореве» лишено каких-либо четких жанровых очертаний, является произведением внежанровым. «Мы должны, — пишет А. А. Назаревский, подводя итог своему исследованию (стр. 143 и сл.), — видеть в „Слове“ не художественные особенности одного ораторского или какого-либо иного жанра, а гармоническое слияние приемов и особенностей всех жанров, существовавших в устной и книжной традиции киевской Руси XI—XII вв.». А. А. Назаревскому, как видим, нельзя отказать в последовательности, с какой он утверждает свою позицию в вопросе о жанрах.